

Алексян Нелли Арушановна

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ С НАЧАЛА 1920 Г. ПО МАРТ 1921 Г.

Статья оценивает степень эффективности и состояние местных органов власти Воронежской губернии в годы Гражданской войны. Рассматриваются структура, характеристика социального состава, особенности организационного устройства и условия функционирования местных Советов. Изучается сложный комплекс политических взаимодействий между местными и центральными органами власти, между местными органами власти разного уровня, между местными органами власти и местным населением.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 13-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47)“1920-1921”(470.324)

Исторические науки и археология

Статья оценивает степень эффективности и состояние местных органов власти Воронежской губернии в годы Гражданской войны. Рассматриваются структура, характеристика социального состава, особенности организационного устройства и условия функционирования местных Советов. Изучается сложный комплекс политических взаимодействий между местными и центральными органами власти, между местными органами власти разного уровня, между местными органами власти и местным населением.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война; Советы; исполнительные комитеты; выборы; трудовая повинность; гужевая повинность; продовольственная разверстка; бандитизм.

Александия Нелли Арушановна

*Воронежский государственный педагогический университет
edelweis65@yandex.ru*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ С НАЧАЛА 1920 Г. ПО МАРТ 1921 Г. ©

В статье рассматривается деятельность Советов в годы Гражданской войны на территории Воронежской губернии после упразднения ревкомов с начала 1920 г. до введения нэпа в марте 1921 г. Актуальность данного исследования заключается в том, что взаимоотношения региональных и центральных органов государственной власти носят характер сообщающихся сосудов. Глобальные трансформации в системе государственной власти в стране неизбежно отражаются на функционировании отдельных ее элементов, т.е. органах государственной власти регионов. В свою очередь, деятельность регионов способна либо обеспечить устойчивость и функциональность, либо привести к дезорганизации общегосударственной системы.

Управленческие вопросы остаются еще недостаточно изученными, особенно на региональном уровне, о чем свидетельствует отсутствие в постперестроечной историографии исследования на данную тему. Анализ накопленного опыта государственного строительства прошлого способствует глубокому осмыслению проблем современной власти и позволит избежать ошибок в будущем.

Исследование базируется на архивных источниках Государственного архива Воронежской области (ГАВО): сводках и информационных материалах государственных органов власти, сводках и обзорах настроений населения, протоколах различных собраний, материалах прессы и пр.

Изгнание частей Белой армии к концу 1919 г. с территории Воронежской губернии поставило на очередь дня задачи упразднения ревкомов и проведения выборов в советские органы власти. Исключение составляли Валуйский, Богучарский и Калачеевский уезды «как контрреволюционные» [7, д. 11, л. 91].

Говоря о роли крестьян на предыдущих выборах, заведующий Отделом Управления Воронежского уезда в декабре 1919 г. признавал, что «ввиду близости фронта и иногда без этой причины права их, данные Конституцией, были урезаны в отношении правительства и выборов...». Учитывая перемену в настроениях крестьянства в пользу большевиков после нашествия белогвардейцев и казаков, власть уведомила, что стала больше им доверять, предоставив «несравненно широчайшие права производить выборы и отзыв депутатов более легким путем согласно Конституции» [11, д. 8, л. 16 об., 19 об.].

Накануне избирательной кампании губернский ревком распространил среди населения листовки, выполненные типографским способом на тонкой светло-коричневой бумаге. В них излагалась последовательность выборов Советов снизу доверху, от сел до Всероссийского съезда Советов, «который созывается раз или два в году в Москве и на котором избирается Центральный Исполнительный комитет, выделяющийся из себя Совет Народных Комиссаров». Напоминалось, что на выборы не допускаются «враги трудового народа: помещики, капиталисты, кулаки, попы, бывшие помещики и тому подобные паразиты...». Чтобы граждане сделали «правильный выбор», здесь же велась предвыборная агитация: «Помните, что советскую власть в России первыми проводили коммунисты-большевики... первыми умирали за советскую власть... если у вас есть коммунисты, выбирайте их в Советы в первую голову» [7, д. 11, л. 92].

Кроме листовок губернский ревком циркулярно разослал инструкции всем уездным ревкомам. В них рекомендовалось в местные органы власти продвигать тем больше коммунистов, чем выше их уровень: «В Волостные Исполкомы можно допускать средняков, конечно, стараться по возможности, чтобы хотя бы руководители были коммунистами или сочувствующими. В Уездные Исполкомы необходимо главным образом проводить коммунистов. Можно допустить несколько и средняков беспартийных. На Губернский съезд Советов – то же самое, что и по отношению к уездным Исполкомам. ...Председатель Губревкома, член ВЦИК Л. Каганович. декабрь 1919 г.» [Там же, л. 91].

О выборах в сельских местностях и полномочиях сельсоветов говорилось в местной периодической печати: «Вся власть в селах, деревнях, хуторах и пр. перешла к трудовому крестьянству и беднякам, избирающим согласно конституции свои Советы, являющиеся местной властью, и составляется по норме

представительства один депутат на 100 человек населения, причем в небольших сельских единицах до 200 избирателей самостоятельные Советы не образуются, а мелкие села, деревни, хутора объединяются с подобными им ближайшими мелкими селениями для выборов единого сельского совета...» [2, с. 1].

После проведения выборов в селах избирательные комиссии проводили выборы поочередно в волостях, районах, уездах и губернии. Норма представительства на губернский съезд Советов (который был назначен на 20 января 1920 г.) была определена от всех уездов в общем количестве 293 депутатов, от разных уездов по-разному: в зависимости от количества проживающего населения от 14 до 28 депутатов [29, д. 2, л. 8, 8 об.].

После завершения избирательной кампании в Воронеже губернский ревком был «упразднен 26 января 1920 года с избранием на VII губернском съезде Советов нового состава губисполкома» [27, д. 4, л. 312].

О результатах выборов говорят протоколы избирательных комиссий. 19 декабря 1919 г. во все сельсоветы Воронежского уезда избрали беспартийных мужчин, середняков и бедняков, у которых в графе «род занятий» в подавляющем большинстве было записано «хлебопашец» [10, д. 21, л. 3-58].

С такими же результатами прошли выборы в Ясковский сельский Совет Ясковской волости Новохоперского уезда Воронежской губернии 5 января 1920 года. Совет был избран из 33 лиц (от количества населения 3 300 чел.), все беспартийные. В графе «профессия» указали «хлебопашец» – 31 чел., «кузнец» – 1 чел., «помощник ветеринара» – 1 чел.; в графе «социальное положение» указали «бедняк» – 31 чел., «середняк» – 1 чел., «совслужащий» – 1 чел. По гендерному признаку – все мужчины. В графе «образование» указали «низшее образование» – 30 чел., «никакое образование» – 3 чел. [29, д. 2, л. 10, 11 об.].

Такие же результаты в декабре 1919 г. засвидетельствовали волости Землянского уезда [3, д. 26, л. 20-25].

Следующие выборы в советы Оськинской волости Коротоякского уезда, которые прошли примерно через полгода, имели такой же состав избранных: «С 15 по 24 августа 1920 г. перевыборы сельских и волостного Совета закончены... в Исполкомы как в сельский, так и в Волостной прошли товарищи достойные, но не коммунисты...» [19, д. 11, л. 118, 118 об.].

Выборы в сельсоветы Красенской волости Коротоякского уезда в 1920 г. (месяц не был указан) имели тот же результат: избранными оказались все беспартийные, мужчины, бедняки и середняки [18, д. 33, л. 5, 13, 14, 15, 18, 24, 26, 31].

Из общего ряда избранных беспартийных в сельсоветы и волсоветы выделялся Рамонский сельский Совет Ясковской волости Новохоперского уезда Воронежской губернии. Здесь в Советы 19 августа 1920 г. было избрано большинство коммунистов. Это можно объяснить наличием в Рамони сахарного завода и занятых на нем рабочих. В Совет избрали 40 чел. от количества населения 3 880 чел., «в выборах принимали участие, как имеющие право, согласно Конституции 420 чел., были отстранены от перевыборов 80 чел.». По партийной принадлежности: 25 коммунистов, 15 беспартийных; из 25 коммунистов – 22 бедняка и 3 середняка, из 15 беспартийных – 8 бедняков и 7 середняков. Таким образом, видно, что среди коммунистов больше бедняков, нежели середняков. В графе «профессия» указали «землепашец» – 38 чел., «мастерской» – 1 чел., «интеллигент» – 1 чел. [29, д. 2, л. 51, 51 об.].

В Тресковский сельский Совет Ясковской волости Новохоперского уезда 19 августа 1920 г. избрали 5 чел. от населения 501 чел. Все 5 чел. беспартийные. По социальному положению – 4 середняка, 1 бедняк [Там же, л. 53].

В Новогольский сельский Совет Ясковской волости Новохоперского уезда 19 августа 1920 г. избрали 5 чел., из них 1 – коммунист, 4 – беспартийных. Все середняки [Там же, л. 56].

В Знаменский сельский Совет Ясковской волости Новохоперского уезда 19 августа 1920 г. (в протоколе отражено, что от населения 1 174 чел. в выборах принимали участие 54 человека, отстранили от участия 21 человек) избрали 11 чел., из которых 2 коммуниста, 9 беспартийных, все бедняки [Там же, л. 58, 59].

Выборы в некоторые волостные Советы в отличие от сельских Советов имеют несколько иные результаты касательно партийной принадлежности. Например, выборы волостного съезда в Ясковский волостной исполком Новохоперского уезда 29 августа 1920 г. избрали 5 членов исполкома. Все – коммунисты [Там же, л. 65, 66].

Волости Воронежского уезда на IV Уездный съезд Советов в сентябре 1920 г. избрали 275 делегатов, из которых партийными были 76 человек, сочувствующими – 4 человека [10, д. 59, л. 70-74].

Алексеевский уездный съезд Советов 7 октября 1920 г. избрал делегатами на Воронежский губернский съезд Советов 18 человек: из них 8 – беспартийных, 10 – коммунистов [5, д. 18, л. 2].

9-й Новохоперский уездный съезд Советов в октябре 1920 г. избрал 18 делегатов, все коммунисты, на Губернский съезд Советов [Там же, д. 23, л. 36].

Таким образом, из протоколов следует, что все избранные в местные Советы преимущественно крестьяне, из бедняков и середняков, мужчины в возрасте от 23 до 50 лет, малообразованные; по партийной принадлежности – в зависимости от уровня власти: чем выше уровень власти, тем больше в его составе партийных лиц. На выборных должностях в сельсоветах и волисполкомах оказывались беспартийные, большей частью оттого, что партийные ячейки на местах отсутствовали. Волисполкомы и сельсоветы отмечали недостаток членов партии.

Органы власти на селе согласно декрету имели следующее устройство: «...Сельские Советы отделов не образуют. Все исполнительные функции несут председатель и секретарь, причем в зависимости от количества населения, число членов президиума сельского Совета может быть увеличено до трёх» (*Председатель, его заместитель или товарищ, секретарь* – Н. А.).

Сельский исполнительный комитет был ответственен перед избравшим его Советом и перед волостным исполкомом, периодически отчитываясь «не менее двух раз в месяц» перед избирателями о своей работе [2, с. 1].

После выборов в селах распределялись должности: везде по-своему.

В одном селе распределили должности по принципу: тем выше, чем больше голосов получил кандидат, и отразили это в протоколе от 9 декабря 1919 г.: «Мы, нижеподписавшиеся члены села Березняховского сельского совета Катуховской волости Воронежского уезда постановили из среды себя образовать сельский и исполнительный Комитет из 4-х человек председателя и казначея и товарища председателя. Из выдвинутых кандидатов оказались избраны по большинству голосов.

- 1) Председатель Тит Евсеевич Легкоконь: за – 20 голосов, против – 2 голоса.
- 2) Товарищ Председателя...: за – 19 голосов, против – 2, возд. – 1.
- 3) Кассир...: за – 17 голосов, против – 5, возд. – 1.
- 4) Запасной товарища: за – 16, против – 5, возд. – 1» [9, д. 22, л. 77].

В другом селе вновь избранные члены Ново-Александровского сельсовета Красненской волости Воронежского уезда «в заседании своем 23 сего декабря (1919 г. – Н. А.) в количестве пяти человек имели суждение о том, какую кому занимать должность в сельсовете...» [10, д. 22, л. 40].

В отличие от сельского уровня на волостном уровне распределение должностей происходило единообразно: в присутствии уполномоченного представителя уездной избирательной комиссии и члена волостной избирательной комиссии. Из отчета уполномоченного Коротояжского уезда Маняхина, который вел работу в слободе Старобезгинской «по перевыборам сельских советов (8-и обществ)...

В Волостной исполком членами избраны 4 человека, которые... были тайным баллотированием размещены подолжностной... 30 авг. 1920 г.» [19, д. 11, л. 247 об.].

О примерном количественном и должностном составе волисполкомов можно судить по Ловососшанскому волисполкому Коротояжского уезда: «В состав Волисполкома входят: 1 Председатель, 6 членов исполкома, 1 секретарь, 4 делопроизводителя и 1 журналист (*журналист обычно по совместительству был еще агитатором-пропагандистом* – Н. А.).

...В круг деятельности Волисполкома входят 6 селений... сентябрь 1920 г.». Всего 13 человек [Там же, л. 252].

Структура волисполкома состояла из 5-ти отделов.

1. *Отдел Управления* должен был решать все вопросы административного характера, аккумулировать все сведения из сельсоветов, непосредственно наблюдать и руководить всеми подотделами волисполкома и сельских советов во всей их совокупности. Проводить в жизнь все декреты, обязательные постановления и распоряжения высших органов советской власти, разъяснять их населению. «Отдел управления является нервом, двигателем всей работы на территории данной волости» [Там же, л. 72].

2. *Военный отдел* должен был производить работы по учету военнообязанных, по сбору и отправке оружия; проверять документы, проводить все виды мобилизаций и бороться с дезертирством.

3. *Земельный отдел* должен был вести учет инвентаря, организовывать полевые работы и проводить сбор подписки от граждан на сохранение озимого хлеба для обсеменения, производить покосы степи, вести учет семенного материала.

4. *Отдел народного образования* должен был вести учет лиц грамотных и неграмотных на предмет ликвидации безграмотности, организовывать в селах избы-читальни, лекции, митинги, рассылать литературу, вести культурно-просветительскую работу.

5. *Отдел записи актов гражданского состояния* – ЗАГС. Должен был регистрировать случаи браков, рождений, смертей и т.д.

Исполкомы создавали различные комиссии для разрешения возникших проблем, после чего некоторые распускались. Это выполнение различных повинностей по книге наряда, борьба со всякого рода спекуляцией; помощь семьям красноармейцев в обработке земли и выдаче пособий; контроль за правильным и своевременным поступлением государственных и местных налогов, различных сборов; раскладка разверстки по селам волости; охрана революционного порядка в районе данной волости, предупреждение и борьба с контрреволюционными выступлениями [Там же, л. 72, 73 – 74 об., 113, 252].

Результаты работы комиссий обсуждались публично. В отчете Подгоренского волисполкома Воронежского уезда на волостном съезде Советов в марте 1920 г. говорилось, что «...работа по санитарным мероприятиям выразилась в создании по селам чрезвычайных санитарных комиссий, которые под наблюдением Исполкома и Волостной Комиссии путем мобилизации населения произвели повсеместно уборку трупов павших животных, которыми наша волость была усеяна как гречихой. И кроме того приведены кой-где колодцы, сделаны к ним общие... осыпаны и изолированы от засорения нечистоты от стока с улиц» [14, д. 14, л. 38].

Аналогичные очистные работы произвели санитарные комиссии Ново-Хворостанского волисполкома Коротояжского уезда в мае 1920 г. и отчитались по ним [18, д. 51, л. 243].

Структура уездного исполкома была шире, содержала больше отделов, что можно увидеть по составу должностных лиц исполкома Новохоперского уезда в ноябре 1920 г. Это преуисполкома, секретарь уисполкома, заведующий Земельным отделом, предунаобраза, заводделуправления и член Президиума уисполкома, председатель упрофбюро, член Президиума уисполкома и завуфинотдела, завженотдела уккомпарта (женщ.), уполномоченный по проведению мобилизации населения для борьбы со снежными заносами железнодорожного пути в зиму 1920 и 1921 г., упродкомиссар, преукомтруда, заведующий Информационно-иностранного подотдела (его позже переименоуют в Информационно-инструкторский подотдел), помвоенкома, уполномоченный по продовольствию, член коллегии унаобраза (женщ.); 4 чел. – свободные члены уисполкома, «откомандированы на подработы». Итого – 20 человек [5, д. 23, л. 8]. Уездные исполкомы в отличие от волостных исполкомов имели финотдел и бухгалтеря.

Документы, издаваемые исполкомами, подписывали председатель исполкома, заведующий Отделом Управления и секретарь.

Налаживание работы советских органов тормозил недостаток квалифицированных кадров. Эту проблему обострила мобилизация на фронт партийных работников, о чем сообщил в своем политическом обзоре 30 мая 1920 г. заведующий Информационно-инструкторского подотдела Отдела Управления Павловского уезда Долгополов: «...Военкомом отзываются лучшие работники... мобилизуются члены Волисполкома, нет возможности наладиться государственному механизму в уездном масштабе. Лучших работников заменяют лица часто не соответствующие революционному движению...» [8, д. 76, л. 36 – 37 об.].

Дефицит квалифицированных кадров особенно ощущался в сельсоветах. Об этом доносил 23 февраля 1920 г. Подгоренский волисполком Воронежского уезда: «Проведение в жизнь постановлений и предписаний высших органов власти сложно оттого, что состав Сельских Советов в большинстве случаев безграмотный, а технических наемных работников нигде не имеется. В некоторых Советах секретарь не может разобрать какого-либо незамысловатого предписания, в силу чего иногда собрать какие-либо срочные сведения абсолютно невозможно...» [14, д. 14, л. 1, 1 об., 2].

Чтобы смягчить остроту «кадрового голода», грамотным советским служащим приходилось совмещать несколько должностей одновременно. Такая нагрузка была обременительной, изнуряла психическое и физическое здоровье. Кроме того Информационно-инструкторский подотдел Отдела Управления также применял практику командировки партийных лиц для инструктирования (их так и называли – инструкторы) советских служащих. Через некоторое время (обычно через месяц) их перебрасывали на другой проблемный участок.

Такие частые перемещения не могли не сказаться отрицательно. На объединенном совещании служащие волисполкомов Коротоякского уезда 14 января 1921 г. жаловались, что «...подготовка инструкторов, организация курсов советских работников и организация агитационно-пропагандистских поездок не производится потому, что инструктора меняются ежемесячно... 24 января 1921 г. № 432 » [13, д. 60, л. 3 об., 4].

Перспектива очередной переброски командировочных приводила к следующим решениям. Собрание Кондрашинского сельского общества Московской волости Воронежского уезда, состоявшееся 7 февраля 1920 г., постановило: «Избрать не временно, а навсегда председателя и не из членов совета, а со стороны, т.к. из членов совета избрать председателя невозможно... нового председателя гражданина Брагина Павла Ивановича, командировали его как настоящего советского работника, но так как он подлежит скорой отправке на службу (срок отпуска его по 10 марта 1920 г.), то о нем решено возбудить ходатайство чрез Московский волисполком об отсрочке» [10, д. 48, л. 27]. Выборы постепенно становятся формальными, когда не из кого становится выбирать.

Кроме дефицита кадров все руководители сельсоветов и волисполкомов в своих отчетах и сведениях указывали на острый недостаток канцелярских принадлежностей. Военком Еланского волостного Комиссариата жаловался в Новохоперский уездный Комиссариат по Военным Делах: «Совершенно нет чернил, бумаги, перьев и карандашей, а главное нет книг для входящего и исходящего журналов... декабрь 31 дня 1920 г.» [26, д. 104А, л. 213].

Председатель Коротоякского уисполкома отмечал, что «за отсутствием бумаги в уезде канцелярская работа тормозится, а Волисполкомы и Сельские Советы отказываются своевременно выполнять все требования. <...> 4 декабря 1920 г.» [19, д. 11, л. 310].

Ново-Хворостанский волисполком в отчете в Отдел Управления Коротоякского уисполкома 13 мая 1920 г. № 1191 доносил: «Получаемые распоряжения Центральной и Уездной власти исполняются не так быстро ввиду того, что на местах полное отсутствие хороших канцелярских работников и во вторых бумажный кризис, через что некоторые списки задерживаются пересылкой. <...> Информация с уездом происходит очень плохо, затруднение является в отсутствии телефона» (высокие номера исходящих документов свидетельствуют о бурной переписке между органами власти) [18, д. 51, л. 242 об., 243].

Были и обнадеживающие сведения по организации делопроизводства, как, например, из Оськинского и Тресоруковского волисполкомов Коротоякского уезда, которые, как и все местные органы, испытывали дефицит канцелярских принадлежностей. Там работали грамотные старослужащие, о чем говорит каллиграфический почерк в документах. В сведениях Оськинского волостного отдела Управления Коротоякскому уездному отделу Управления в августе 1920 г. сказано, что там следят «за правильным и своевременным поступлением всякого рода налогов и сборов, раскладка по селам волости закончена на 1920 г.» [19, д. 11, л. 118, 118 об.], а также, что «текущая переписка и дела отдела управления протекают продуктивно и исправно» [Там же, л. 280 об.].

Губернские и уездные исполкомы направляли партийных инструкторов для проверки деятельности и консультирования нижестоящих органов власти. По возвращении из командировки заведующий Информационно-инструкторского подотдела Отдела Управления губисполкома Алымов в своем докладе от 10 января 1920 г. назвал самым важным недостатком «механизма нашего Советского аппарата... – это почти абсолютное отсутствие связи уезда с Губернским центром. <...> в некоторых местах, как, например, в Калачеевском уезде, в то время, когда связь можно наладить, никаких мер к её восстановлению не принимается» [23, д. 23, л. 166].

Об этой же проблеме говорилось в бюллетене № 19 информационно-инструкторского подотдела Отдела Управления Бутурлиновского горисполкома (вх. № 1487 от 18/V-20 г.): «...работа отделов за отсутствием связи с Центром тоже проходит вяло. Во всех отделах идет все ещё налаживание аппаратов» [12, д. 177, л. 297].

На объединенном совещании служащие волисполкомов Коротоякского уезда 14 января 1921 г. также констатировали, что «необходимая связь между Волисполкомами и Сельскими Советами совершенно отсутствует. Контроль над работой сельсоветов не ведется». Было указано «на неаккуратную доставку сведений с мест, которые запаздывают на очень долгое время, что тормозит работу уездного отдела Управления. Поступают сведения неправильные и неточные. 24 января 1921 г. № 432» [13, д. 60, л. 3 об., 4].

Удаленность от губернского руководства и плохая связь ослабляли дисциплину в нижестоящих Советах. О низкой трудовой дисциплине в сельсоветах докладывал председатель Подгоренского волысполкома на волостном съезде Советов в марте 1920 г.: «...трудным является вопрос налаживания работ на местах в Сельских Советах, где повсеместно наблюдалась запуганность, растерянность и полная бездеятельность членов Совета, почему не имелось никакой возможности иметь те или иные данные...» [14, д. 14, л. 37].

Председатель уездного Острогжского ревкома призвал заведующих отделами повысить трудовую дисциплину среди своих подчиненных: «...январь 1920 г. ... во многих отделах царит спячка, служащие являются на работу в 11 часов и позже, кончают работу в 13-14 часов, во время работы занимаются посторонними делами. Товарищи! Такая работа немыслима...» [22, д. 5, л. 57, 57А].

Просто увещания на ответственных работников не действовали. Коротоякский уисполком 3 апреля 1920 г. разослал циркулярно всем отделам уисполкома и волысполкома предупреждения о санкциях к нарушителям трудовой дисциплины: «В последнее время при обследовании Отделов Уисполкома и др. учреждений замечено, что опаздывание на службу и уход с таковой в часы занятий приняло преступно-широкие размеры... всех опаздывающих на занятия служащих подвергать в 1 и 2 раз вычету однодневного заработка, а в 3 раз увольнение со службы с преданием суду за саботаж» [24, д. 1, л. 306].

Несмотря на то, что к концу 1919 г. части Белой армии были изгнаны с территории Воронежской губернии, оставались внутренняя оппозиция и бандитизм, что требовало в любое время быть готовым к оперативному реагированию. Для этого Информационно-инструкторский подотдел Отдела Управления губисполкома напомнил об обязанности всех Отделов Управления уисполкомов за № 1/1182 от 26 марта 1920 г. «аккуратно 2 раза в месяц не позже 1 и 15 числа» представлять ему «политико-экономические сводки о состоянии уезда, отсылая таковые со специальными нарочными в секретном пакете... До сих пор означенные выше сводки Уездными Информационно-Инструкторскими П/отделами или совершенно не высылались, или же высылались с громадными опозданиями, почему теряли всякое значение» [20, д. 18, л. 16].

Чтобы уезды вовремя доставляли сводки в губернию, Отдел Управления НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) в циркуляре от 21-го июня 1920 г. за № 1098/229 потребовал от Отделов Управления уездов Воронежской губернии представлять ежемесячные отчеты о политическом положении ему напрямую. Таким образом, Отделы Управления уездов Воронежской губернии обязаны были отправлять 2 экземпляра сведений: один – в Отдел Управления Воронежского губисполкома и второй – в Отдел управления НКВД по адресу: г. Москва, Лубянка, 2 [11, д. 8, л. 38, 38 об.]. Такая мера, помимо того, что дисциплинировала уезды, также позволяла получать реальную картину происходящих событий вдали от столицы, в случае если более высокая губернская инстанция утаивала или искажала ее.

Далее по вертикали в Отделы Управления уисполкома поступали отчеты, сведения от Отделов Управления волысполкомов, а туда, в свою очередь, – от сельсоветов. Сводки, отчеты с мест о политико-экономическом положении имели гриф «секретно».

Чтобы поднять разрушенное хозяйство, обеспечивать нужды фронта, обеспечивать связь между административными территориями, местные органы власти организовывали население к несению трудовых и гуже-вых (подводных) повинностей. Однако выполнение их было проблематично.

В годы Гражданской войны воюющие стороны активно пользовались подводами с лошадьми, большей частью отобранными у крестьян без их ведома и без их согласия [25, д. 3, л. 61; 28, д. 14, л. 29]. Потом оказывалось, что эти подводы или пропадали, или загнанные лошади погибали. поголовье лошадей сократилось до критической отметки. Потери главных помощников подрывали крестьянские хозяйства, ставили крестьян перед угрозой остаться с необработанными полями.

Чтобы крестьяне не уклонялись от несения гуже-вых повинностей, Коротоякский увоенревком приказал «командированным лицам аккуратно оплачивать подводы. 5 января 1920 г.» [7, д. 11, л. 57].

В то же время заведующий Отдела Управления Калачеевского уисполкома в циркулярном распоряжении потребовал от всех волостных ревкомов исполнения нарядов, иначе «виновные будут беспощадно наказываться по законам военного времени... 6 января 1920 г.» [21, д. 5, л. 15, 15 об.].

По поводу приказа об оплате подвод председатель Подгоренского волысполкома жаловался в Президиум Воронежского уисполкома в феврале 1920 г., что «*приказы только пишутся, а никем не исполняются...*» [10, д. 49, л. 13].

В свою очередь, заведующий Информационно-инструкторского подотдела Отдела Управления губисполкома Алымов в докладе от 10 января 1920 г. в невыполнении гуже-вой повинности обвинил руководителей волысполкомов и сельсоветов: «Наряды воинских частей на подводы для перевозки военного имущества в большинстве случаев не выполняются... Председатели Советов даже на единичные требования подвод отвечают отказом, объясняя отказ за неимением подвод, предлагают самим искать по дворам. Крестьяне же, покровительствуемые местными работниками, имея лошадей, прячут их, морят голодом, не лечат часоточных, в общем, принимают все меры, дабы только не дать лошадь». В то же время признал неурегулированность полномочий по распределению подвод: «... в некоторых местах распределением подвод ведают Отделы Управления, в других Коменданты, в третьих Лескомы, Железкомы и др. организации, в общем – органа, который в целом распоряжался бы подводами, не имеется, что усиливает подводную разруху» [23, д. 23, л. 166].

Бывало и так, что волысполкомы были неспособны привлечь граждан к выполнению гуже-вых повинностей, и они обращались за помощью к руководству. Отдел Управления Ново-Уколовского волысполкома доносил в Отдел Управления Коротоякского уисполкома: «...с 1-го по 13-е мая с. г. (1920 г. – Н. А.)... наряд согласно

телефонограммы Утройки предоставить 660 подвод для отправки подсолнуха с завода № 37 на государственный завод № 35 в гор. Коротояк остался не выполнен... несмотря на принятые Волисполкомом самые решительные и суровые меры, граждане о даче подвод категорически отказались, мотивируя тем, что нет корма для лошадей... О чем Волтройкой была немедленно дана телефонограмма на имя Утройки с просьбой дать реальной силы, так как местная власть без таковой не может выполнить данного Утройкой наряда» [18, д. 51, л. 224, 224 об.].

Комендант г. Коротояка оправдал уклонение граждан от несения гужевой повинности тем, что должностные лица уездного райревкома, «командируемые от Отделов по служебным делам не все оплачивают подводную повинность... 31 декабря 1920 г.» [7, д. 11, л. 80].

Приказы могли не исполняться и по объективным причинам. К примеру, представитель снабжения IX Армии и мобилизационной комиссии послал приказ № 3 от 22 февраля 1920 г. в Манинский исполком: «...чтобы... все лошади вместе с упряжью и повозками на железном ходу были выведены на мобилизацию... за неисполнением какого-то, или хотя бы за промедление, мною будет арестован весь исполком и предан суду Военного Революционного Трибунала...». Приказ надо было исполнить утром не позднее 9 часов утра 23 февраля 1920 г., а его получили только в 8 часов вечера [21, д. 5, л. 59].

Несмотря на остроу проблемы в несении гужевой повинности, в архиве в рассматриваемое время отсутствуют документы о привлечении местными властями к ответственности граждан за уклонение от нее. Есть документы о привлечении к ответственности за уклонение от трудовой повинности, за которое местные власти наказывали арестом, а «злостных» – отдавали под суд. Из протокола заседания членов Рогачевского волисполкома Воронежского уезда от 22 сентября 1920 г.: «Заслушано о невыполнении трудовой повинности граждан села Ушановки Мистюковыми... Постановили: Граждан дер. Ушановки Ивана Даниловича и Алексея Даниловича Мистюковых подвергнуть аресту при волисполкоме по пять суток каждого и предупредить Мистюковых, если повторится вторично, согласно боевого приказа будут преданы суду» [10, д. 14, л. 98].

Самая главная задача сельсоветов и волисполкомов заключалась в содействии Продовольственным комитетам из центра в выполнении развёрстки.

Продовольственная развёрстка вызывала негодование крестьян, которые не понимали, почему её не отменили, ведь части Белой армии с территории Воронежской губернии были изгнаны, и часть военнослужащих вернулась домой.

О настроениях населения доносил в сведениях Подгоренский волисполком Воронежского уезда в феврале 1920 г.: «Наблюдается недовольство на неправильную развёрстку хлеба и фуража, которая для них непосильна» [Там же, д. 49, л. 14].

Из сведений о настроениях жителей Землянского уезда: «Ко всем распоряжениям и декретам Рабоче-Крестьянского Правительства население относится доброжелательно, за исключением декретов об отчуждении продовольствия, к которому население относится недружелюбно. 25 ноября 1920 г.» [3, д. 30, л. 115, 115 об.].

Представители уездной власти такие настроения населения объясняли следующим образом. Заведующий Информационно-инструкторского подотдела Павловского уезда Долгополов в июне 1920 г. сообщил в своем политическом обзоре: «Население считается только с фактами, глубже за ходом вещей у него нет навыка смотреть. Оно не в состоянии при современном уровне культуры охватить те широчайшие задания, которые поставило себе Рабоче-Крестьянское Правительство...» [8, д. 76, л. 13].

В своей сводке завуполитбюро Алексеевского уезда в феврале 1921 г. в секретный отдел Воронежской Губчека докладывал, что «политическое состояние уезда в общем неблагонадежное, благодаря неведения широких масс населения о строительстве советской власти» [6, д. 1, л. 30].

Власть получала правдивые реальные донесения с мест дисциплинированных функционеров, однако игнорировала недовольство и протесты крестьян, воспринимая их как каприз мелкобуржуазной и темной массы, не способной понять социалистические идеалы.

Для преодоления отсталости, ликвидации безграмотности, для просвещения населения советская власть прилагала колоссальные усилия, искренне считая эти меры «как начало грядущего счастливого будущего русского пролетариата...» [8, д. 76, л. 12 об., 13].

Однако хозяйственное положение от этого не улучшалось, что вызывало негодование крестьян. Провозглашенный лозунг «Власть народу!» не учитывал мнение и интересы народа и тем самым превращался в фикцию. Народ был отстранен от жизненно насущных решений, за него все решила партия большевиков как самая сплоченная, дисциплинированная и решительная организация. В апреле 1920 г. Ленин прямо заявил: «Да – диктатура одной партии! Мы на этом стоим и с этой почвы сойти не можем!». Сталин уточнил: «...страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов... нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами...» [31, с. 734].

В свою очередь, «имея твердое убеждение и ясное сознание, что только Советская власть защитница интересов трудящихся – население в то же время недоумевает, как же она эта власть, его избранница, во многом не идет ему навстречу» [8, д. 76, л. 13].

Недовольство населения стало питательной средой для контрреволюции, которая, не смирившись с поражением Белой армии, продолжала свою борьбу уже при помощи бандитских вооруженных формирований. Туда входили бывшие офицеры, казаки, крестьяне, студенты, дезертиры Красной армии, «а также лица, у коих произведена конфискация имущества при невыполнении продовольственных развёрсток» [19, д. 11, л. 230 об.]. Совершая внезапные налёты, они грабили, запугивали население, убивали советских и партийных работников, уничтожали документацию, громили канцелярии.

Советская власть не осознавала вначале величины угрозы бандитизма и полагала, что карательных мер будет достаточно для борьбы с ним: она распространила листовки, в которых предупреждала бандитов, что будет с их семьями, если они добровольно не сдадутся. Из приказа Красного командования от 12 февраля 1920 г.: «Все участники бандитских шаек должны добровольно явиться с оружием в штаб Красной Армии. В случае уклонения участника шайки от добровольной явки с оружием... в указанный срок (в течение 2-х недель – Н. А.) его семья подлежит выселению в отдаленные губернии Республики, а ее имущество окончательной конфискации» [30, д. 4, л. 9].

Тем временем хозяйственное положение стало ухудшаться, о чем стали поступать вести с мест. В сводках Ново-Хворостанского волисполкома Коротоякского уезда от 13 мая 1920 г. № 1191 говорилось, что «ощущается острый недостаток в предметах первой необходимости, а именно соли, керосина, масла, спичек и др. предметов». Но в то же время волисполком, следуя директиве уездного руководства, создавал преграды на пути самоснабжения населения: «...удостоверение на право покупки соли в районе и на проезд по железной дороге волисполком не выдает...» [18, д. 51, л. 242, 242 об.].

Такие действия властей вызывали негодование населения и провоцировали на восстания и бандитизм. Первым уездом, где проявил себя бандитизм, был Павловский, соседствовавший с Шиповским лесом и топографически удобный для внезапных нападений. Дезертиры подняли восстание в селе Гнилуша в ночь на 2 мая 1920 г. В ответ в районе Шиповского леса во всех волостях были созданы Ревкомы [8, д. 76, л. 37 об.].

Местному населению сочувствовали члены волисполкомов и сельсоветов, которые были ближе к нему, нежели уездные органы власти. Низовые местные Советы несвоевременно и не в полной мере выполняли приказы и распоряжения вышестоящих властей, были бездеятельности, пассивны и недисциплинированы. Об этом сообщил в июне 1920 г. в своем политическом обзоре заведующий Информационно-инструкторского подотдела Павловского уезда Долгополов: «Дисциплина ослаблена, члены Советов и Исполкомов в большинстве неэнергичны, вялы, многие из них не принимают никаких решительных мер к проведению в жизнь распоряжений центра и уезда, ропщут на уездную власть и тем самым обостряют население.» [Там же, л. 12 об.].

Также сведения из Землянского уезда доносили, что «местные власти к выловке дезертиров относятся слабо. 25 ноября 1920 г.» [3, д. 30, л. 115 об.].

Руководство такое отношение к своим функциональным обязанностям и директивам расценивало как саботаж. Из двухнедельной сводки за время с 15 февраля по 1 марта 1921 г. завуполитбюро Алексеевского уезда в секретный отдел Воронежской Губчека: «...саботаж замечается гл.о. в волисполкомах со стороны ответственных работников, которые находясь в значительном расстоянии от глаза уездных властей, зачастую вовсе не посещают своих учреждений, или занимаются в помещении Исполкомов игрой в карты, а ещё хуже распитием самогона» [6, д. 1, л. 29].

Положение сельского хозяйства, полуразрушенного событиями Мировой, Гражданской войн, усугубилось небывалой засухой и неурожаем в 1920 году на территории Воронежской губернии.

О начавшемся голоде стали поступать сведения с мест. Заведующий Информационно-инструкторского подотдела Павловского уезда Долгополов в июне 1920 г. доносил: «...голод в уезде принимает угрожающие размеры... Голодает большая часть уезда, больно действует это обстоятельство на психику граждан» [8, д. 76, л. 13]. Он же спустя две недели сообщил, что «боясь голода жители мечутся, выезжают за хлебом в хлебные местности. Уездная власть стоит им в этом на пути, придерживаясь декрета...»

В связи с последними событиями население уезда уменьшает свои симпатии к Советской власти, неохотно идет навстречу мобилизации, дезертирами переполнен уезд. Уисполкомом предпринята еще одна решительная мера: поручено президиуму Уисполкома издать приказ о наложении контрибуции на все волости, в коих замечается дезертирство с условием, что за выдачу дезертиров контрибуция будет снята...» [Там же, л. 60, 61].

После короткого затишья в Павловском уезде с началом действий реквизиционных отрядов в августе 1920 г. бандитизм вновь активизировался: «В Клеповской волости 30 июля ночью зеленая банда обстреливала село Пузиво. Группа в количестве 3-х человек напала на председателя Сельисполкома и нанесла ему 7 ран, раненный прожил только два часа. ...“зеленые” шли цепью и заходили в каждый дом, где жил член Совета...» [Там же, л. 13, 13 об.].

В Верхне-Тишанской волости Бобровского уезда в августе 1920 г. было «...совершено 2-ое убийство советских работников... волость неблагонадежна в политическом отношении, выражавшемся в частых контрреволюционных вспышках, а также изобилует дезертирством...». В борьбе с этими явлениями власть решает принять радикальные меры: «...необходимо безотлагательно взять из Верхне-Тишанской волости 10 человек заложников буржуазного и кулацкого элемента, которых на случай новых убийств, грабежей и пр. бандитских действий расстрелять. Кроме того на всю Верхне-Тишанскую Волость наложить контрибуцию в 25 мил. руб. Таким же образом следует поступить и с другими волостями... Всех заложников можно использовать для принудительных полевых работ» [15, д. 38, л. 387, 387 об.].

План продразверстки, спущенный сверху, на местах не выполнялся, что отражалось на местном бюджете (центр не финансировал местные органы). Дефицитный бюджет местных органов не позволял вовремя выплачивать зарплату служащим и обеспечивать канцелярскими принадлежностями. В довершение ко всему с 1 августа 1920 г. государство перестало выдавать продпайк служащим сельсоветов и волисполкомов, что пагубно отразилось на производительности их труда.

Исполком Олень-Колодезской волости Коротоякского уезда в сентябре 1920 г. сообщил: «...служащие не получая абсолютно ничего болеют и не посещают занятий, неполучение продуктов питания в дальнейшем оставит Исполком совершенно без технических работников» [19, д. 11, л. 20, 20 об.].

О тех же проблемах сообщали Лево-Россошанский [Там же, л. 433], Тресоруковский [Там же, л. 72 об.], Оськинский волисполкомы Коротоякского уезда [Там же, л. 118].

О трудностях работы волисполкомов и сельсоветов сообщали из Нижнедевицкого уисполкома в феврале 1921 г.: «...Сельсоветы почти ничем не обеспечиваются, жалованьем удовлетворяются страшно ненормально по шесть-по семь месяцев более. Канцелярских каких-либо принадлежностей от высших организаций они не получают.

Дело в Волисполкомах обстоит немного лучше» [6, д. 2, л. 77].

О критическом положении Урывского волисполкома говорилось в сведениях о деятельности с 1 января по 1 февраля 1921 г. в Коротоякский уисполком: «...работа Волисполкома, его отделов и сельских Советов все ухудшается, т.е. во всех канцеляриях не имеется канцеляристов, хотя Волисполкомом таковые инструктируются, но этого недостаточно, т.к. после инструктирования нужно показать на деле, но таковое не представляется возможным за неимением ни книг, ни бумаг, а неопытным секретарям слов мало, а завести дело не на чем и тем самым делается тормоз во всех отделах и учреждениях Советской республики» [19, д. 11, л. 395]. И в марте 1921 г.: «Работа Волисполкома протекает слабо за недостаточности технических работников по волости и подыскать таковых не представляется возможным на почве голода, т.к. люди отсутствуют в Донской и других областях...» [Там же, л. 443].

От волисполкомов и сельсоветов уездное руководство требовало отчета о процессе продразверстки.

В соответствии с этим требованием Отделы Управления волисполкомов докладывали в Отдел Управления Коротоякского уезда:

из Лево-Россошанского волисполкома в сентябре 1920 г.: «...меры по изъятию (*продуктов* – Н. А.) принимаются самые жестокие...» [Там же, л. 152];

из Ново-Уколовского волисполкома в августе 1920 г.: «Волисполкомом совместно с Агентурой Упродкома производится выкачивание у граждан излишков хлеба скрывающих таковой, одновременно с тем производился согласно наряда Упродкома сбор яиц и коровьяго масла. Несмотря на принимаемые решительные меры разверстка все-таки выполняется слабо» [Там же, л. 68];

из Тресоруковского волисполкома 20 августа 1920 г. № 1935: «...для выполнения масляной и яичной повинности... принимаются решительно вплоть до репрессии меры... всюду видно наступление голода – массы народа требуют пропусков для поездки за хлебом а разрешения нет...» [Там же, л. 72, 72 об.].

На «глухоту» власти население реагировало аналогично, обособляясь от нее и игнорируя ее распоряжения. Из протокола Придаченского волостного съезда Воронежского уезда от 5 сентября 1920 г.: «...в Придаченской волости жизнь мертва... На собрания граждан почти не являются – отсутствие сознания, пользы и необходимости посещения собраний» [24, д. 58, л. 83].

В начавшемся голоде население винило советскую власть, о чем донес заведующий Отдела Управления Павловского уезда в августе 1920 г.: «...в связи с голодом население части уезда относится неблагоприятно и даже враждебно к Советской власти» [8, д. 76, л. 13 об.].

Спутниками начавшегося голода стали болезни и эпидемии. Несмотря на эти драматические явления, VIII губернский съезд 7 октября 1920 г., наметивший план борьбы с эпидемией, «проходил под знаком продовольственной диктатуры» [1, с. 41].

Ригоризм диктатуры повлек за собой аресты за невыплату сборов и невыполнение продразверстки. Арестом наказывали как рядовых граждан, так и руководителей. На заседании члены Рогачевского волисполкома Воронежского уезда 29 октября 1920 г. рассматривали отказ в уплате недоимок за 1919 и 1920 гг. губернских и уездных сборов гражданина села Крыловки Федора Пахомовича Манакова и халатное отношение в деле по выполнению государственной продразверстки председателя Крыловского сельского исполкома Василия Григорьевича Седых. В отношении них вынесли постановление: «Арестовать на пять суток. Арест отбыть при помещении Волисполкома...» [10, д. 14, л. 100].

В свою очередь, к самим волисполкомам, не сумевшим побудить и организовать население к сдаче продразверстки, уездная власть принимала карательные санкции. Из сведений Павловского уезда в октябре 1920 г.: «Приняты меры к очистке Волсоветов от такого элемента и теперь есть надежда, что работа наладится, продовольственная кампания закончится в срок» [4, д. 74, л. 16].

Кроме того, со стороны Продкомитетов, неподотчетных местным органам власти, за невыполнение продразверстки «имеют место производства арестов Волостных и Сельских должностных лиц без ведома Отдела Управления... 4 декабря 1920 г.». Это вносило дезорганизацию в административную работу местных органов власти [19, д. 11, л. 310].

Принимая во внимание «слабость в политическом и административном отношении» низовых органов власти (сельсоветов и волисполкомов), к ним на «продовольственный фронт» с августа 1920 г. стали направлять ответственных партийных работников из уездных исполкомов.

Это не возымело положительного действия на продовольственные работы волисполкомов и сельсоветов, а ухудшило работу уездных исполкомов. В декабрьской сводке 1920 г. Отдела Управления Нижнедевицкого уисполкома говорилось, что командировка ответственных работников «для проведения работ по продовольствию» привела к тому, что «в настоящее время собственно в информационно-инструкторском подотделе нет

ни одного сотрудника и все ведение дела вышеозначенного подотдела лишь временно возложено на счетовода общего подотдела отдела Управления, человека совершенно некомпетентного в данной области... А потому вся работа информационно-инструкторского подотдела в декабре м-це заключалась лишь в рассылке по Волисполкомам и отделам Уисполкома всех распоряжений центральной власти и в разъяснении таковых, контролировать же и инструктировать работу Волисполкомов на местах не представлялось фактически возможным за полным отсутствием надлежащих инструкторов. Потому работа Волисполкомов также стоит не на должной высоте, все сведения о работе с мест поступают крайне вяло, работа стоит...» [9, д. 63, л. 3, 3 об.].

Землянский уезд также сообщал, «что все ответственные работники Информационно-Инструкторского подотдела уже три месяца как откомандированы в уезд для работ по продовольствию и др. работ, а также отсутствие инструкторов – все это привело к тому, что работа Информационно-Инструкторского п/о в продолжение долгого времени тормозилась. К тому же и отсутствие технических работников тоже является тормозом в работе. В свою очередь, ответственные работники Волисполкомов также уже более трех месяцев уделяют главное внимание на продовольственную работу. 25 ноября 1920 г.» [3, д. 30, л. 115].

Секретные сводки в Отдел Управления НКВД о политико-экономическом состоянии Землянского уезда Воронежской губернии за январь месяц 1921 г. доносили: «...для выполнения государственного наряда брошены лучшие партийные и советские работники, ими прилагается максимум энергии и сил. Продовольственная разверстка не окончена, выполняется по каждой волости неодинаково...» [6, д. 2, л. 44, 45].

Лево-Россошанский волисполком Коротоякского уезда считал, что причина отставания заключается в том, что «технических сил меньше должного да и имеющийся, систематично отрываемая на другие, считающиеся более важными работы, например продроботу, кроме того у него как и у всех отделов исполкома имеется одна из главнейших язв нашей волости – отсутствие нормальной связи так – как передача и пересылка все возможных срочных сведений, запросов, информации, благодаря неудовлетворительной работы почты и слабо организованного института курьеров сильно задерживается. ...15 ноября 1920 г.» [20, д. 18, л. 81 об.].

Сведения Землянского уисполкома в Отдел Управления Воронежского губисполкома: «Продовольственный вопрос обстоит очень остро, в связи с неурожаем по всему уезду, как озимого, так и ярового хлеба, население местами уже голодает, хлеб выпекается большею частью из лебеды и прочих суррогатов. В этом направлении население находится в критическом положении... 25 ноября 1920 г.» [3, д. 30, л. 115 об.].

Из сводки за время с 1 по 15 декабря 1920 года Отдела Управления Коротоякского уезда: «...большинство населения переживает ужасную голодовку, среди граждан замечается открытый ропот на почве запрещения провоза продовольствия из более урожайных местностей» [19, д. 11, л. 342].

Невзирая на запрет властей выезжать за пределы своей административной территории, граждане самовольно стали покидать голодные места. Из доклада Урывского волисполкома в январе 1921 г. в Коротоякский уисполком: «Движение народонаселения по волостям ужасно. Уезжают и приезжают массами, учета произвести совершенно не представляется возможным, а поэтому вся трудовая повинность проходит при самых худших условиях, т.к. самые рабочие силы отсутствуют и удерживать совершенно невозможно на почве голода... 27/1-21 г. № 228» [Там же, л. 395, 395 об.].

О тех же происходящих процессах доносили Красненский волисполком в феврале 1921 г. № 45 [Там же, л. 390] и Лево-Россошанский волисполком в Коротоякский уисполком. Вх. № 1204 от 8/III-21 г. [Там же, л. 433 об.].

В феврале-марте 1921 г. об увеличении рядов голодающих крестьян и употреблении ими в пищу различных суррогатов в виде мха, почек деревьев, лебеды, соломы, желудей и т.д. поступали сведения из разных уездов: из Павловского уезда [6, д. 2, л. 62]; из Нижнедевицкого уезда [Там же, л. 77]; из Землянского уезда [Там же, л. 91, 92].

Секретная сводка о политической и хозяйственной жизни Коротоякского уезда с 15 февраля по 1 марта 1921 года Коротоякского уездного Информационно-инструкторского подотдела Отдела Управления доносила: «Население ввиду неурожая и изъятия всего наличия хлеба, конфискации почти все 100% – голодает... жалуется на то, что почему не разрешают провозить хлеб из хлебобродных губерний голодным...»

Есть случаи заболеваний и смерти граждан на почве голода; смертные случаи засвидетельствованы Уздравотделом. Масса населения уезда без всяких документов уезжает в хлебобродные места... 3 марта 1921 г. №1335» [Там же, л. 61].

Из секретной сводки в НКВД о политических настроениях в декабре 1920 г. в Острогожском уезде: «Подводя итоги политического настроения за декабрь м-ц прежнего года населения можно вывести следующее: настроение населения на почве недостатка продуктов первой необходимости возникает недоверчивое отношение к властям...» [Там же, л. 48].

Проведение продрозверстки сродни военным операциям, которые нередко имели трагические последствия. Действия реквизиционных отрядов среди уставшего голодного населения привели к «брожению среди крестьянства», которое 8 декабря вылилось в восстание, охватившее вскоре весь Нижнедевицкий уезд. С большим трудом «окончательно восстание было подавлено при помощи вооруженных отрядов... 21 декабря 1920 г.» [Там же, л. 46].

Но власть этим не удовлетворилась. Чтобы последствия выступлений послужили уроком для населения, Нижнедевицкое уездное политическое бюро «путем секретной агентуры и через посредство осведомительной сети имеющейся в Политбюро на местах выяснила... активных участников этого восстания... лица были арестованы и преданы суду Военно-Революционного Трибунала, которые понесли должное наказание, как морально, а также конфискацией части лично принадлежащего им имущества...» [9, д. 66, л. 104].

К сентябрю 1920 г., несмотря на принимаемые меры, масштаб бандитизма принял угрожающие размеры и стал серьезной помехой в работе местных органов власти. Можно предположить, что по этой причине председатели и секретари местных исполкомов в отчетах не указывали свою фамилию, ставили только подписи.

Местный военком доводил до сведения Павловского Уездного Комиссара по Военным делам, что «положение в Петровской и Михайловской волостях очень опасно... Бороться с зелеными бандами мы не имеем возможности за отсутствием оружия, милиции и т.д. ...6/IX-20 г.» [8, д. 87, л. 202].

Из донесения Павловского уезда к 25 октября 1920 г.: «...В районе, прилегающему к Шиповому лесу, в особенности неспокойно. Шиповские зеленые бандиты продолжают свои злодеяния, нападения на мирные села и пытки над советскими работниками...» [4, д. 74, л. 16]. И спустя неделю, 1 ноября 1920 г.: «...трудно ликвидировать полностью и изъять преступный элемент... так как бандиты имеют определенную связь с населением. В таких волостях берутся заложники» [Там же, л. 1].

Располагая сведениями о сочувствии к бандитам и поддержке их населением, власть посредством листовок предупредила, что «все граждане селения или хутора круговой порукой отвечают за спокойствие в своём селении и все бандиты-разбойники, укрывающиеся в них должны быть выданы властям. 13 декабря 1920 г.» [17, д. 17, л. 20].

К декабрю 1920 г. положение советской власти в Павловском уезде стало критическим: «...развитие бандитизма, который несмотря на проведенную энергичную борьбу с ним принял угрожающие размеры. ...совершенно остановлено мирное строительство» [6, д. 2, л. 46].

Бандитизм, по официальным данным, также остановил работу Твердохлебовского волысполкома Богучарского уезда: «...работа его с сего дня в волысполкоме прекращена... Также и сельские советы прекратили свои занятия ввиду создавшего положения и военных действий в окрестностях волости и канцелярия все приготовления к эвакуации... 1920 ноября 12 дня» [17, д. 16А, л. 332].

О размахе бандитизма по уездам Воронежской губернии говорилось в секретной сводке для НКВД за декабрь 1920 г. Из нее следовало, что крупные бандитские формирования до 700 человек орудовали в Павловском, Новохоперском и Калачеевском уездах [6, д. 2, л. 46-48].

Сводка Алексеевского уездного политического бюро за время с 1 февраля по 15 февраля 1921 г. доносила о потерях мирного населения и советских работников от набега махновцев около 70 человек (махновцы стремились к соединению с отрядом Антонова в Тамбове, но большевики отрезали им путь) [Там же, д. 3, л. 5].

В уездах, где действия бандитских формирований были угрожающими, стали вновь возвращаться к ревкомам как к испытанным институтам власти. Например, это сделал Борисоглебский уисполком в феврале 1921 г. и отчитался перед Тамбовским губисполкомом: «...было приступлено к организации Райревкомов... работать приходится непланомерно, ибо мелкие шайки бандитов оперирующие после разгрома в своих селениях не дают работать...» [16, д. 89, л. 101 об.].

Бандитизм в Павловском уезде, несмотря на принятые меры, продолжался: «Налеты банд на Павловский уезд в феврале с.г. (1921 г. – Н. А.) сильно расстроили работу всех отделов Уисполкома в уезде». В ходе нашествия бандиты убили 21 человек и разграбили три государственных ссыпункта «до основания» [6, д. 2, л. 62].

О том, что после погромных действий бандитов население вышло из подчинения и работа исполкома остановилась, донес в марте 1921 г. председатель Верхне-Тишанского волысполкома Бобровского уезда Косолапов [12, д. 449, л. 4, 4 об.].

Риск стать жертвой бандитов, поток неисполненных директив, мизерная зарплата, враждебность населения тяготили советских работников и побуждали некоторых руководителей подавать заявления об увольнении. Из протокола № 5 от 5 марта 1921 г. заседания членов Тавровского сельского совета Тавровской волости Воронежского уезда: «Слушали: заявление председателя сельсовета М. Я. Рукавцова в просьбе отстранить его от занимавшей должности ввиду слабости здоровья и семейного обстоятельства и малограмотности. ...Постановили: Просьбу Рукавцова удовлетворить» [10, д. 107, л. 127].

В борьбе с восставшим населением и бандитизмом советский государственный аппарат власти нес ощутимые потери (см. Приложение № 1). Руководство Павловского уезда доложило, что «много работников погибло во время восстания. Многие совершенно расстроили свое здоровье и сейчас уже некому выезжать в уезд... 8/III-21 г.». Это отразилось на процедуре должностных замещений. Вскоре отзывали председателя уисполкома Кандыбина в связи с назначением его на должность председателя Воронежской Губчека. А на его место назначили Сенькова, который был перегружен работой, т.к. одновременно занимал посты Предупредсовещания и Упосевкома [6, д. 2, л. 63]. На выборную должность председателя уисполкома не избрали, а назначили человека, который уже занимал две должности, таким образом, наделив его третьей должностью. Назначение председателей уездных исполкомов станет практикой.

Масштаб бандитизма и огромный урон, который он наносил, приводили к поспешным, не всегда справедливым и правомочным приговорам местных властей по отношению к обвиняемым. Так, член Сессии Трибунала Семен Васильевич Амелин пожаловался председателю Выездной Сессии Революционно-Военного Трибунала на превышение полномочий и на небрежное оформление дел ревкомом Борисоглебского уезда, считая «такие действия Ревкомов недопустимыми». «...Не обсудив детально важности преступления, не учитывая при каких условиях эти преступления совершены – Ревкомы выносят свои приговоры, как будто они являются Судебными органами имеющими право так поступать... в некоторых случаях в силу своих постановлений Ревкомы даже приводили эти “приговоры” в исполнение... март 1921 г.» [16, д. 89, л. 53].

Никакие меры не в состоянии были остановить бандитизм и восстания, пока советская власть под угрозой быть опрокинутой народной стихией (после известных всем событий) в марте 1921 г. не отменила продовольственную разверстку, взяв курс на нэп.

Таким образом, анализ источников показал, что в рассматриваемое время эффективность деятельности Советов Воронежской губернии была относительно невысокой. Отдельные ее элементы – советские органы власти низового уровня (сельские и волостные) слабо функционировали. Факторами, тормозящими их работу, являлись малообразованность, а порой и неграмотность советских служащих, их необеспеченность, дефицит канцелярских принадлежностей, плохая связь и пр. Их взаимодействие с уездными и губернскими органами власти носило несогласованный, дезинтегрирующий, конфликтный и взаимоблокирующий характер. Местные Советы неэффективно, непродуктивно тратили огромные силы на содействие Продкомитетам в «выкачивании продразверстки». Серьезным препятствием для работы органов советской власти, отвлекающим много сил, была борьба с восстаниями и бандитизмом, порожденными широким недовольством общества. Все это в совокупности не позволяло наладиться нормальной работе местных Советов.

Приложение № 1

ГАВО. Арх. № 037837. Погибшие 11 декабря 1920 г. при столкновении с отрядом Колесникова в слободе Смагливке Богучарского уезда: губвоенком Мордовцев, начальник штаба особого отряда Бабкин, комендант губчека Бахарев, председатель Богучарского УРБКома Авдеев, военный следователь 2-й особой армии Поляков, следователь Перекоресов, заместитель предгубисполкома и председатель ЧК Алексеевский

Список литературы

1. **Весь Воронеж:** справочная книга на 1924-1925 гг. Воронеж: Воронежская коммуна, 1924. 232 с.
2. **Воронежская Коммуна.** 1920. 11 января.
3. **Государственный архив Воронежской области (ГАВО).** Ф. Р-2. Оп. 1.
4. **ГАВО.** Ф. Р-4. Оп. 1.
5. **ГАВО.** Ф. Р-4. Оп. 2.
6. **ГАВО.** Ф. Р-4. Оп. 3.
7. **ГАВО.** Ф. Р-6. Оп. 1.
8. **ГАВО.** Ф. Р-12. Оп. 1.
9. **ГАВО.** Ф. Р-67. Оп. 1.
10. **ГАВО.** Ф. Р-114. Оп. 1.
11. **ГАВО.** Ф. Р-118. Оп. 1.
12. **ГАВО.** Ф. Р-165. Оп. 1.
13. **ГАВО.** Ф. Р-282. Оп. 1.
14. **ГАВО.** Ф. Р-425. Оп. 1.
15. **ГАВО.** Ф. Р-466. Оп. 1.
16. **ГАВО.** Ф. Р-503. Оп. 1.
17. **ГАВО.** Ф. Р-539. Оп. 1.
18. **ГАВО.** Ф. Р-653. Оп. 2.
19. **ГАВО.** Ф. Р-653. Оп. 3.
20. **ГАВО.** Ф. Р-653. Оп. 4.
21. **ГАВО.** Ф. Р-735. Оп. 1.
22. **ГАВО.** Ф. Р-738. Оп. 1.
23. **ГАВО.** Ф. Р-1111. Оп. 1.
24. **ГАВО.** Ф. Р-1136. Оп. 1.
25. **ГАВО.** Ф. Р-1698. Оп. 1.

26. ГАВО. Ф. Р-1954. Оп. 1.
27. ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1.
28. ГАВО. Ф. Р-2468. Оп. 1.
29. ГАВО. Ф. Р-2900. Оп. 1.
30. ГАВО. Ф. Р-2969. Оп. 1.
31. Поцелуев В. Россия (конец XIX – начало XXI в.). М.: Человек, 2012. Т. 1. Модернизация (1894-1920). 774 с.

ACTIVITY OF SOVIETS OF VORONEZH PROVINCE FROM THE BEGINNING OF 1920 TILL MARCH, 1921

Aleksanyan Nelli Arushanovna
Voronezh State Pedagogical University
edelweis65@yandex.ru

The article evaluates the level of efficiency and state of the local bodies of power of Voronezh province in the years of the Civil War. The author examines the structure, social characteristics, specifics of the organizational arrangement and conditions of the functioning of the local Soviets. The paper analyzes the intricate combination of political interactions between the local and central authorities, the local bodies of power of different levels, the local bodies of power and the local population.

Key words and phrases: The Civil War; Soviets; executive committees; elections; labour service; cartage service; surplus appropriation system; gangsterism.

УДК 172

Философские науки

В статье обосновывается необходимость оценки экономических отношений с позиции здравого смысла на основе философско-правовой модели социальной ответственности бизнеса. Выделены базовый (всеобщий) уровень социальной ответственности бизнеса, уровень социального партнерства, уровень социальных инвестиций на территориях базирования фирм. В качестве семантических элементов социальной ответственности бизнеса выделяются уровни социальной справедливости и этнокультурной ответственности фирмы.

Ключевые слова и фразы: здравый смысл; социальная ответственность бизнеса; социальная справедливость; социальное воспроизводство; капитал; прибыль.

Алямкин Сергей Николаевич, к. филос. н.
Мордовский гуманитарный институт
sergeyalaymkin@mail.ru

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ В КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА©

В современных условиях частные компании приобретают социальные функции, их роль в системе общественного воспроизводства повышается. При поиске критериев оценки участия капитала в данных процессах актуализируются концепции социальной ответственности бизнеса.

В нашем понимании бизнес-процессы имеют здравый смысл при условии выполнения экономическими агентами определенных функций в системе общественного воспроизводства: не только производства материального продукта, но и производящего человека. Исключение социальной функции частной собственности ведет к нарастающим противоречиям в обществе и, в конечном счете, к социальным катастрофам.

Выработанные многовековым опытом нормы социальной справедливости определяют требования концепции социальной ответственности бизнеса. Кроме того, эффективность социальной ответственности бизнеса основывается на использовании культурных, религиозных традиций народов, проживающих в месте расположения фирмы [1; 2].

Применительно к отечественному опыту социальной ответственности бизнеса актуальной остается практика советских времен, когда предприятие комплексно защищало работника, включая его семью. Сегодня подобные примеры редки. Распространенной является точка зрения, согласно которой единственная цель бизнеса – наращивание прибыли, а производящий человек – такой же ресурс как сырье. Конечно, подобное отношение сложилось во многом благодаря пассивности работника, его нежеланию защищать свое право на достойную жизнь, а также государству, уклоняющемуся от функции социального арбитра.

Современный бизнесмен в представлении А. А. Гагаева исходит из предпосылки – не считаться ни с кем и ни с чем, кроме своего частного интереса, и идти к нему любыми средствами и путями, ему присуще «оппортунистическое поведение». Это современный экономический человек – он вымогатель, лжец, скрывает информацию, обманщик, нарушает договоры [3, с. 114-117]. Отсюда вытекает необходимость контроля за деятельностью бизнеса, в т.ч. за выполнением им требований концепции социальной ответственности.